

Воспоминания о Переславской женской гимназии

Юные годы, счастливые дни,
Как вешние воды катились они...

В бывшую до революции женскую гимназию, здание которой теперь, в 1960 году, занимает средняя школа № 3, я поступила в 1903 году во второй приготовительный класс после того, как сдала экзамены по русскому языку и по арифметике. Перед гимназией я училась в начальной школе, но перейдя во второй класс, заболела в декабре scarlatinной и остаток этого года провела дома, где со мной занимались, готовя для поступления в гимназию.

Наша гимназия помещалась в одноэтажном большом деревянном здании. Учились в две смены. В 1909 году была приделана каменная двухэтажная пристройка. В таком здании теперь помещается средняя школа № 2. Всего с 1907 года было 8 классов гимназии и ещё два приготовительных класса, в которых проходили курс начальной школы. В деревянном здании помещались 6 классов, учительская в угловой комнате, где теперь пионерская, и ещё кабинет начальницы в первой комнате справа при входе в зал. Раздевальня помещалась в прихожей, где две технические служащие Поля и Маша подавали пальто и галоши учащимся. У Маши училась вслед за мной девочка Нюта, удочерённая Машей и впоследствии ставшей сперва учительницей Анной Васильевной Петровой, затем инспектором РОНО, а потом заведующей детдомом, ныне же пенсионерка.

Собирались учащиеся к 8 часам первая смена, а к часу дня вторая смена, в которой училось немного классов — первый, второй и третий.

В 8 часов давался звонок и все классы смены, начиная начиная с приготовительного, выстраивались рядами в зале. В зале, между окон, повыше, помещалась икона спасителя с детьми, а пониже в торжественные дни ставился портрет царя Николая II. Перед иконой всегда теплилась лампадка. По обе стороны от иконы, перед окнами и немного отступя от них так, что получался проход, стояли кадки с цветами: фикусом, пальмой, филодендромом, драценой.

После того, как ученицы выстраивались рядами в зале с учителями сбоку, выходила по очереди одна из учениц 8-го класса и читала перед иконой утренние молитвы. По окончании их учащиеся с учителями расходились по классам, начиналась учёба. Зал пустел, только техническая служащая производила его уборку.

В большую перемену приносились из соседней булочной напротив всевозможные булочки, здобнушки, ватрушки и тому подобное — в большой четырёхугольной корзине. Продавец с усилием носил эту корзину на ремне, перекинутом через плечо, и ставил её на табурет рядом с прихожей в зале. Тут его окружали желающие покушать. Некоторые ученицы на завтрак приносили из дома чёрного хлеба. Мне родители давали обычно по 2 копейки каждый день на булочку.

Учащиеся все были одеты по форме в коричневые платья с высоким воротом, к которому пришивали небольшой белый воротничок. На платье надевали чёрный фартук, в 8-м классе сначала платья были серого цвета, а потом синего и тоже с чёрным фартуком. В торжественные дни и на вечера вместо чёрных фартуков надевали белые. У учительниц тоже была форма — платья синего цвета, а у учителей сюртуки и мундиры со светлыми пуговицами. Во время перемен ученицам не разрешалось бегать, шуметь, кричать. Одни из них прохаживались

*Валединская (Охотина), В. Н. Воспоминания о Переславской женской гимназии / В. Н. Валединская (Охотина). — 1960. — По машинописи в библиотеке Переславского музея-заповедника.

вдоль зала под руки парами и четвёрка ми под наблюдением дежурной учительницы, другие сидели вдоль стен зала на стульях и кое-где на лавках между шкафами, помещавшимися в некоторых местах у стен зала. Например, у задней стены зала помещалось несколько шкафов с библиотекой. Из них учительница-библиотекарь выдавала и обменивала книжки в перемену или после уроков.

За учёбу все учащиеся вносили плату. Сперва в 1900 году по 6 рублей в год, потом постепенно увеличивали до 20 рублей, 50 рублей и уже в 1915 году платили по 75 рублей в год. За иностранный язык, необязательный для учениц, платили по 10 рублей, а некоторых очень бедных, но хорошо учившихся учениц освобождали от платы за учебу. Их было немного.

В приготовительном классе «приготовишек» по всем предметам учила Софья Николаевна Воронина, которая и по сей день живёт в Москве. Мы её очень любили, подражали ей. Очень нравилась нам её улыбка, глаза и походка — выдержанная и прямая. Мы старались выучиться так же неспеша идти, не качая руками. Часто её провожали после уроков до квартиры, которая была через два дома от гимназии.

У нас была пятибалльная система отметок. Их ставили в дневники и потом за четверть в баллыники.

В первом классе нас учило уже несколько учителей и учительниц. По математике до пятого класса учила Апполиария Владимировна Гнилосырова с остриженными полуседуями волосами и с голубыми большими глазами, взгляд которых нас пронзал насквозь. Она была очень строгая и требовательная. Мы её боялись, особенно когда она на наши неверные и нелепые ответы начнёт иронически улыбаться и с сарказмом говорить: «Превосходно!!! Прекрасно! Очень хорошо! Вы ничего не знаете!!!» Тут уж спрашиваемая ученица совсем замрёт и сердце у неё уйдёт, как говорят, в пятки. Тогда ещё более грозно последуют слова: «Садитесь! Позвольте ваш дневник!!!» И ученица ни жива и ни мертва идёт к своему месту и, взявши дневник, подаёт его Апполиарии Владимировне, а та в нём ставит жирную, красующуюся на всей странице двойку. Весь класс тоже замрёт. Тишина станет такая, что слышно, как у окна прожужжит муха. Все ученицы только и желают, чтобы сейчас, в этот злой час, не вызывала её учительница к доске. Обычно в это время Апполиария Владимировна вызывала уже более знающих и те, сперва заикаясь, начинают отвечать, а потом разойдутся и получают хорошую отметку. Но бывало и так, что двойки и у одной, и у другой, у нескольких учениц и весь класс сидит с растерянным видом, еле придя в себя уже в перемену, когда учительница скроется в учительской.

Я считалась в классе хорошей ученицей. Мне всё время математика давалась легко, я её почти не учила, а сразу запоминала все доказательства и правила при объяснении урока учительницей. Перед следующим уроком математики меня окружали более слабые ученицы и просили объяснить заданное на дом. Я всегда им объясняла, они были довольны и меня считали первым математиком в классе, но всё же я во втором классе получила 2 по математике — в первый и последний раз. Дело было так. Я захотела пересесть со второй парты на последнюю к подруге, чем-то меня прельстившей. Я так сидела несколько дней благополучно. Но в один день на уроке арифметики я отвлеклась от того, что спрашивали у доски, разговорилась потихоньку с соседкой, что-то у неё разглядывала под крышкой парты и пропустила вопрос учительницы, на который вызванная ученица не могла ответить. И вдруг слышу: «Пусть Охотина ответит на этот вопрос!» А я не слыхала, о чём идёт речь, и, конечно, не могла ответить. Тут услышала беспощадные слова, так всех нас приводившие в трепет: «Позвольте ваш дневник!..» Идя обратно на место с дневником, я не могла удержаться: слёзы закапали из глаз, и сидя за партой, я молча продолжала глотать их. Конечно после такого урока я уже не могла сидеть на последней парте, опять пересела на вторую и все уроки математики уже не отвлекалась посторонними делами, тянула руку, и в конце четверти, после нескольких хороших отметок, получила за четверть 4. И всё же в тот неприятный день мне пришлось поплатиться за двойку. Как правило «двоечниц» оставляли «без обеда», то есть после уроков оставляли на час или два учить то, на что не ответили. Классная наставница и оставила меня и ещё двух-трёх девочек после уроков учить, а сама ушла, сказав, что придёт дежурная нас проверить. Я-то урок знала и потому занялась подготовкой уроков к следующему дню, и когда пришла дежурная проверять, она меня тотчас же отпустила.

В первой четверти я после лета как-то не сразу принималась как следует за уроки, и потому за первую четверть в дневнике были четвёрки и даже тройки. Во вторую четверть поправляла отметки на 5 и 4, а в третью и четвёртую четверть почти по всем предметам были уже пятёрки.

Хромало у меня и письмо. Был очень скверный почерк и ошибки, иногда очень пустяшные, так как я всегда торопилась сделать всё поскорее, не подумав о правописании. Я была

увлекающей ученицей. То мне нравился почерк Софии Николаевны Ворониной, писавшей прямые округлые буквы, и я подражала ей, то, увидя у подруги красиво написанные слова буквами наискось, я принималась так же писать наискось, а то делала наклон букв наоборот, влево. В результате я писала слова всеми этими тремя способами, да ещё делая нажимы не попадая, и мои письменные работы (особенно сочинения) выглядели крайне некрасиво. В старшем классе учительница литературы Нина Владимировна Клейненберг прочитала вслух всему классу моё классное сочинение о Пушкине на Кавказе. Содержание сочинения очень хвалила, но сказала: «Приходится ставить не пять с плюсом, как бы следовало, а только четыре, так как очень грязно и некрасиво написано!» Только в последнем классе я взяла за правило не торопиться и быть внимательной к тому, что писала, и старалась почерк выправить, и потому в четвертях по русскому языку стали появляться пятёрки. Сочинение на выпускном экзамене написала на пять и общую отметку получила пять, так что присудили за гимназию золотую медаль. Кроме меня золотые медали получили — Анна Ивановна Ананьина, ставшая потом учительницей в Переславле (в последнее время в школе № 5) и ещё Анастасия Михайловна Вихляева, приезжая из города Родники.

Наш класс был очень дружный. Учителей мы слушались. Если же когда расшумимся во время перемены, то к нам подходила классная дама — Екатерина Ивановна Знаменская — и стыдила нас. Она ещё преподавала рукоделие, учила шить, кроить, вышивать, вязать, штопать. Она была классной дамой в классах, находящихся в основном деревянном здании, а в пристройке следила за дисциплиной другая классная дама — Клементина Иосифовна Сквнина — по национальности полька. Обе классные дамы были пожилые, с седыми волосами; относились к ученицам не зло, но строго. Знаменская была постарше, полноватая женщина, Сквнина была повыше, похудее и менее строгой.

По математике после Апполинии Владимировны с пятого класса был сперва инспектор, председатель школьного совета — Владимир Филиппович Иванов, очень добрый и знающий человек. К сожалению, он скоро умер и после его смерти был математиком тоже инспектор — Анастасий Лукич Тучапский, глуховатый старик, часто путавший объяснение доказательства. Иногда он не мог решить задачу, путая решение у доски, так что приходилось ему помогать. В восьмом классе учил нас инспектор — Владимир Романович Эйгес, которого мы прямо обожали за прекрасное объяснение и увлекательные уроки по математике. Все слушали не шелохнувшись и затаив дыхание. Спрашивал он мало, часто делал письменные и мы с большим рвением учили его уроки, помогая друг другу, и почти всегда все в классе получали удовлетворительные отметки. Он нам рассказывал и по астрономии. Даже как-то раз осенью нам, четырём ученицам, по нашей просьбе показал в телескоп луну и планеты вечером у своей квартиры (на улице Веретейка, теперь Первомайская), где он жил с женой и дочуркой.

По русскому языку и литературе в первом и втором классах преподавала Софья Николаевна Воронина, а в третьем и следующих классах сперва была Нина Владимировна Клейненберг — очень живая и весёлая учительница, но она вскоре уехала. За нею была Варвара Александровна Правдивцева — нерешительная и тихая. Она хорошо пела и выступала иногда на семейных школьных вечерах. Она вышла замуж за племянника фабриканта Павлова — Пантелеймона Александровича Иванова и перестала быть учительницей. Её место заняла Лидия Александровна Розанова.

По истории преподавала Людмила Александровна Виньери, а потом Анна Петровна Рожкова, которую мы очень любили за добрый сердечный характер. Она всегда при объяснении нового урока просила учениц закрыть поплотнее дверь и рассказывала то, что мы не могли найти в то время в учебниках и что передавала шёпотом, боясь, что кто-нибудь услышит это запрещённое.

По физике был сначала инспектор Владимир Филиппович Иванов, а затем Ольга Николаевна Слободская, впоследствии ставшая Тихоновой и учившая по химии после революции в ныне средней школе № 1. Помню, в гимназии она делала нам опыт — поджигала в колбе водород. Колбу взорвало и осколками ей ранило руку, а один из осколков попал мне на голову. Пришлось Ольге Николаевне с рукой, из которой сочилась кровь, экстренно идти в больницу, где ей вытащили из руки осколок. Мы потом стали относиться к ней с уважением, как к пострадавшей героине.

По естествознанию была Мария Николаевна Воронина, а вслед за ней, после её отъезда, Клавдия Петровна Тименцева. Она первая из всех учителей стучала рукой или линейкой по столу, рассердившись на нас. Ходила она всегда неряшливо одетая в простые платья. Мы её невзлюбили после одного случая. В 1910 году умер Л. Н. Толстой. Мы об этом не знали и в моём классе шумели и смеялись в перемену. Когда пришла Клавдия Петровна Тименцева

на урок, у нас было весёлое настроение и улыбки на лицах. Вдруг она сильно хлопнула рукой по столу и громко сказала: «Как вам не стыдно веселиться, ведь умер Лев Николаевич Толстой, а вы смеётесь!» Поражённые этой вестью, мы мгновенно умолкли и наклонились над партами, она же презрительно сказала: «Ну и зайцы вы, сейчас же в кусты!» После этого мы невзлюбили её за это прозвище и за небрежную одежду, а в более старшем классе у неё с учащимися был какой-то скандал и они не пожелали у ней учиться, направив делегацию на школьный совет. Все учащиеся были рады, когда в конце учебного года Клавдия Петровна ушла из гимназии.

По французскому языку была всё время Елена Сергеевна Угрюмова, которая впоследствии учила в средней школе № 4.

По пению учил Аркадий Аркадьевич Козлов, который отбирал из всех учившихся пению учениц со слухом и голосом в хор, занимавшийся после уроков, и готовил выступления для концертов. После революции он тоже учил в средней школе № 1 и его хор и музыкальные постановки славились в нашем городе.

Начальницей гимназии была сперва Надежда Петровна Никонова, у которой племянница училась вместе со мной. Я с этой племянницей очень дружила, и даже до сих пор наша дружба не прерывается. Эта моя подруга сейчас живёт в Москве, я заезжаю к ней.

В 1910 году, когда я училась в 6 классе, к нам поступила другая начальница, а Надежда Петровна по старости вышла в отставку. Новая начальница была из Нагорья — Софья Николаевна Скуба, отчим которой был Спиридов. Это его предок отличился в Чесменском бою.

Софья Николаевна была очень образованная, представительная особа, с приятным лицом, большими голубыми глазами, но с большим ртом. Она установила свои порядки, дежурство учащихся восьмых классов. Прикрепила учениц старших классов по две ученицы к каждому младшему классу, чтобы они следили за порядком, дисциплиной и успеваемостью, помогали дежурить учителям и классным дамам.

Софья Николаевна Скуба вела уроки седьмых и восьмых классов по психологии, педагогике и дидактике. Она обыкновенно весь урок сидела в классе за столом и почти весь час читала по своему конспекту новый урок. Говорила она громко, всегда хорошо одевалась в красиво отделанные со шлейфом платья синего цвета, который был обязателен для всех учительниц. Иногда в перемену она прохаживалась вдоль всего зала и разговаривала с кем-то из учителей или классных дам. Её шлейф подметал пол чисто натёртого паркета. Почти каждый час во время уроков этот пол подметали технические служащие. Проходя мимо учениц, сидящих на стульях и лавках вдоль стен зала, Софья Николаевна требовала всякий раз, чтобы ученицы делали реверанс и поклон. А мы, бывало, в перемену читали интересную книгу, подучивали уроки, объясняли слабым и были очень недовольны, что каждый раз при приближении начальницы приходилось вскакивать и приседать с поклоном. Прочитанное невольно вылетало из головы и приходилось приниматься с начала. Поэтому иногда мы потихоньку пробирались в класс под ответственность дежурившей у дверей ученицы и готовили уроки в классе. Если же мы не успевали подняться с сиденья, то получали замечание от начальницы, а потом выговор. Из-за этого мы не очень любили Софью Николаевну, особенно класс старше нас на год. Там даже одна ученица — Татьяна Александровна Жданова (сестра Андрея Александровича Жданова) сочинила стихотворение:

Напрасно, Скуба длинногуба,
Ты нас мечтаешь истребить —
Мы Джона Локка позабудем,
Руссо нас будет только злить.
Как ненавидим мы Монтеня,
Рабле, Бэкона и других,
Когда в порыве своей злобы
Ты целый час чудишь про них!..

Надо отдать справедливость, она приучила нас к порядку — не смеяться громко, не кричать разговаривая, уважать старших, уступать им место и многому другому.

В классе девочки сидели тихо. Иногда подсказывали, особенно за уроками математики у глуховатого инспектора Анастасия Лукича Тучапского, который садился за стол в классе, повернувшись лицом к окну и опершись локтем на спинку стула, и подставлял ладонь к уху, чтобы слышать, как ученица отвечает у доски. В это время за его спиной ученицы делали знаки, показывали чертежи и доказательства, крупно написанные на бумаге, давали тихие

подсказки. Плохая ученица кое-как выплывала из затруднения, получив удовлетворительную отметку.

В нашем классе было мало неуспевающих. Мы дружно помогали в перемены отстающим и не выучившим уроки. В старших классах даже хорошие ученицы оставались по очереди, чтобы объяснять и готовить трудные уроки со слабыми. Оставались после уроков или приходили вечером для других целей — для разучивания песен, декламаций, постановок, готовясь к какому-нибудь торжеству или вечеру.

Были и дополнительные занятия по желанию учащихся. Когда я училась в младших классах, у нас в гимназии совершенно не преподавались рисование, черчение и немецкий язык. Эти предметы ввели в первом и во втором классах, когда я была уже в пятом классе. Я очень любила рисовать с малых лет, и у меня было большое огорчение, что меня не учили рисованию. Я и две другие ученицы нашего класса, тоже любившие рисовать, стали просить учителей и начальницу, чтобы нас поучили искусству. Тогда за дополнительную плату за каждый месяц ввели занятия по рисованию для желающих после уроков. Набралось человек 20—30 и новый учитель рисования Алексей Сергеевич Ермолаев стал с нами заниматься. К сожалению, это продолжалось меньше года: постепенно учащиеся отсеивались, и когда нас стало очень мало, уроки прекратились к моему горю. Потом я всё же поучилась рисованию уже после революции у Ольги Людвиговны Делла-Вос-Кардовской в течение почти двух лет.

Некоторые хотели учиться немецкому языку у поступившей учительницы немки Екатерины Гаспаровны Кронберг. За дополнительную плату они стали заниматься после уроков, однако эти уроки продолжались месяца два-три и прекратились по той же причине, что и рисование.

Общее образование по программе гимназий заканчивалось в седьмом классе. Восьмой класс у нас был дополнительный, не обязательный, и в нём, кроме общеобразовательных гимназических предметов по программе, ещё преподавалась методика преподавания русского языка и арифметики: ученицы 8 класса готовились стать учительницами начальных школ. Окончили восьмой класс и учительствовали в Переславле Анна Ивановна Ананьина, Наталья Васильевна Бычкова, Анна Андреевна и Александра Андреевна Песковы, Павла Ивановна Бессонова (Лобцова), Анна Матвеевна Тренина, Александра Ивановна Козырева, Елизавета Михайловна Ларионова, Клавдия Александровна Малышева и многие другие, теперь вышедшие на пенсию.

Три раза в году в гимназии устраивались вечера, как правило, один из них во время зимних каникул. На эти вечера приглашали родителей, знакомых, студентов, семинаристов и других учащихся. В старших классах каждой ученице давали по билету, который она могла отдать тому, кого приглашала. Вечер всегда начинался информацией, не имевшей ничего общего с докладом. Затем шла какая-нибудь постановка, живые картины, пение, мелодекламация, просто декламация и тому подобное. После художественной части были танцы под музыку духового оркестра, который помещался в одном из классов. В другом классе устраивался буфет, куда в перерыве устремлялась публика и учащиеся. В буфет и зал назначались дежурные из старших классов. При входе одни дежурные с учительницей контролировали пригласительные билеты у входящих, другие провожали на места — на стулья и лавки, поставленные в зале перед сценой. А сцену устраивали в зале перед окнами, загородив декорациями икону и портрет царя.

Мы ставили спектакли «На пороге к делу», «Горячее сердце», разные пьесы Островского, «Белоснежку». Иногда учащиеся давали концерты, даже платные, сбор с которых поступал в пользу нуждающихся учениц. За них из этого сбора платили за учёбу, за квартиру и давали на пропитание. Для некоторых нуждающихся вносили деньги из капитала, положенного для этой цели какой-нибудь попечительницей (в их числе была Гладкова, хозяйка текстильной фабрики, теперь «Новый мир»).

Ко дню рождения или именин попечителей учащиеся готовили подарки на уроках рукоделия под руководством Екатерины Ивановны Знаменской. Вышивали газетники, подушечки, вязали салфеточки, строчили полотенца. В день этих именин двух учениц старшего класса отправляли с подарками. Их обычно сопровождала старшая классная дама Екатерина Ивановна Знаменская. Одна из учениц произносила наизусть поздравление от гимназии с пожеланием всех благ, другая подносила подарок, и обе с Екатериной Ивановной получали благодарность и сласти — коробочку с шоколадными конфетами, пряники и орехи. Эти сласти отдавались для раздачи ученицам старшего класса. Из нашего класса к попечительнице Павловой (Гладкова уже умерла) ходили племянница прежней начальницы Лена Никольская и Настя Вихляева, обе хорошие ученицы. Когда разделили сласти, то каждой досталось по 2—3 конфетки, по два

пряника и горсти орехов. В этот день на большой перемене служили молебен, на котором все песнопения исполнял ученический хор, и после того ходили к попечителям, а в классе последние уроки шли в весёлом настроении. Учителя что-нибудь читали или рассказывали по нашей просьбе и уже не спрашивали уроки.

Очень весело проходили уроки по анатомии и гигиене, их вёл доктор Андрей Александрович Лапотников. Говорил он всегда оживлённо, с прибаутками, преподнося материал о строении человеческого тела просто и ясно. Спрашивал он понемногу, главное из прошлого урока, и ставил удовлетворительные и хорошие отметки.

На уроках закона божия никто не слушал объяснение учителя — отца Василия Виноградова, а когда начинался опрос учениц, в классе от разговоров стоял шум. Бедному батюшке приходилось вставать из-за стола, бродить между рядами парт и подходить ближе к опрашиваемой, чтобы расслышать ответы. Он сердился и называл учениц «пешками».

Очень надоедало зубрить наизусть тексты из священного писания и заучивать песнопения церковной службы, на это у меня всего больше уходило времени при подготовке уроков.

Мы плохо знали политическую сторону жизни. Нас воспитывали вдалеке от событий 1905 и 1906 года. Всякие разговоры о них прекращались в самом начале. Даже плохо учиться по закону божию считалось неблагонадёжным. Несколько учениц иногда высказывали свободные мысли и потому считались ненадёжными. Когда в 1913 году в мае месяце царь посетил Переславль, разъезжая по поводу 300-летия дома Романовых по городам России, в гимназии по распоряжению свыше был составлен список неблагонадёжных учениц. Этот список долго обсуждался на совещании школьного совета, и учительница французского языка поделилась этим с учащимися 8 класса. Она сказала шутя: «Ну, доставили нам хлопот. Вчера на совещании каждую из вас обсуждали — можно ли вас допустить к встрече царя!» И некоторым посоветовали уехать из города.

Наказывали нас редко. Чрезвычайным событием было, если снижали оценку за поведение с 5 на 4. Были случаи, что девочек вызывали из-за какого-нибудь проступка в кабинет к начальнице, где их пробирали так, что возвращались они заплаканными. Обычно маленьких наказывали тем, что заставляли стоять в углу, у стола или у доски, а также оставляли после уроков. Однажды меня наказали за то, что я закричала на весь зал своим подругам, чтобы они не шли в другой класс, который был занят. На мой крик вышла начальница и сказала, что я поступила плохо, и велела мне стоять в зале на виду у всех у рояля. Я стояла целый урок, пока классная дама, побыв у начальницы, разрешила мне идти в класс на следующий урок и спросила меня, поняла ли я, что поступила некрасиво. А я чуть не плакала от огорчения.

Вообще я часто впадала в слёзы. Как сейчас помню: две дружившие ученицы рассорились, наговорив друг другу неприятных вещей. Обе отвернулись друг от друга и заплакали. Все всполошились, стали их уговаривать, чтобы помирились, так как причина ссоры была просто нелепа. И я уговаривала, села между ними, а в результате сама расплакалась.

В 7 и 8 классах у нас были экзамены почти по всем предметам, даже по рукоделию. Отвечали по билетам, выходя к столу, за которым сидел инспектор, начальница и два-три преподавателя. К ответу готовились стоя или сидя в стороне, пока отвечали другие.

По окончании 7 класса нам выдавали аттестат и устраивался прощальный вечер. Часть средств на него ассигновала школа, потом вносили свои паи учителя, и наконец учащиеся.

Всё проходило в торжественной обстановке. В зале были поставлены крытые красным сукном столы для школьного совета. Перед столами на рядах из стульев размещались кончившие 7 класс ученицы. Начиналось тем, что начальница, а потом инспектор произносили краткие речи. Потом вызывали учащихся: сначала тех, кому присуждалось право на получение золотой медали, за ними следовали серебряные медалистки, потом остальные.

Золотые медали получили — Ананьина, Вихляева и я. Мы с трепетом подходили к столу за своими аттестатами. Серебряная медаль была присуждена Никольской, Орловой, Ильинской и Беляевой.

После торжественной части мы все сели за расставленные сбоку столы, где уже красовалось всякое угощение и даже вино. Так как учителей-мужчин было немного, то мы их усердно угощали, и в конце концов батюшка, почувствовав опьянение, ушёл домой, а мы продолжали веселиться на прощанье. Правда, большинство из нас пожелало учиться в восьмом классе.

Каждый восьмиклассник должен был дать в школе примерный урок. Мне пришлось давать этот урок одной из первых, по русскому языку в первом классе начальной школы, где теперь школа № 5. Конспект урока проверил учитель методики русского языка Иван Алексеевич

Жданов. С трепетом я давала этот первый в моей жизни урок. После него меня похвалили и учитель, и подруги, присутствовавшие на этом уроке.

В восьмом же классе наш класс под руководством учителя пения, незабвенного Аркадия Аркадьевича Козлова, разучил пьесу Островского «Снегурочка» с пением и декламацией под музыку рояля. Сперва ставили для своих учащихся, потом поставили платный вечер для посторонних, и народу пришло много. Зал еле вмещал всех желающих. Было тесно. Отворили двери в классы напротив сцены, и там сидели и стояли слушатели. Снегурочку играла — Настя Вихляева, Купаву — Шура Крылова, а Леля играла я. В переполненном зале было душно и петь было трудно. Хлопали много. Потом на другой день нас снимали в костюмах, которые к вечеру готовились силами всей гимназии.

Спектакль ещё раз повторяли по желанию жителей города, и опять было переполнено, хотя он тоже был платный.

Оканчивая восьмой класс, мы сдавали экзамены уже не по всем предметам. После экзаменов мы тоже устраивали прощальный вечер, теперь в лесу у часовни Крест. На этот вечер из приглашённых явились — начальница, Аркадий Аркадьевич Козлов, несколько учителей и учительниц. Мы были благодарны за это внимание. После совещания школьного совета, усталые, учителя не отказались побыть с нами. Побыв немного, начальница с Екатериной Ивановной Знаменской уехали домой на нанятой ими лошади с экипажем. С нами остались другие учителя и учительницы, их было немного. Мы пели, играли, прыгали через костёр, разговаривали напоследок, заглушая невольные слёзы расставания. Потом в светлую июльскую ночь все вместе под руки возвращались по большой дороге от Креста домой, чтобы разлететься по сторонам, вспоминая юные годы, счастливые дни, проведённые в школе в дружной ученической семье, и начать новую самостоятельную жизнь.